

УИСТАН ХЬЮ ОДЕН

С английского *

В музее изобразительных искусств

На страдания у них был наметанный глаз.
Старые мастера, как точно они замечали,
Где у человека болит, как это в нас,
Когда кто-то ест, отворяет окно или бродит в печали,
Как рядом со старцами, которые почтительно ждут
Божественного рождения, всегда есть дети,
Которые ничего не ждут, а строгают коньками пруд
У самой опушки, —

художники эти

Знали — страшные муки идут своим чередом
В каком-нибудь закоулке, а рядом
Собаки ведут свою собачью жизнь, повсюду содом,
А лошадь истязателя спокойно трется о дерево задом.

В «Икаре» Брейгеля, в гибельный миг,
Все равнодушны, пахарь — словно незрячий:
Наверно, он слышал всплеск и отчаянный крик,
Но для него это не было смертельною неудачей, —
Под солнцем белели ноги, уходя в зеленое лоно
Воды, а изящный корабль, с которого не могли
Не видеть, как мальчик падает с небосклона,
Был занят плаваньем, все дальше уплывал от земли...

---

* УИСТАН ХЬЮ ОДЕН — Стихи (Перевод с английского П. Грушко, А. Сергеева) // Современная американская поэзия (М.: Прогресс, 1975), 103–116.
Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

День отдохновения

Проснувшись на утро седьмого дня, огляделись,
Осторожно понюхали воздух, и тот, чья ноздря
Была самой чуткой, признал, что этого парня
Больше нет, — опасаются зря.

Травоядные, паразиты и хищники вели наблюденье,
Перелетные птицы поведали, возвратясь:
Как сгинул, — повсюду одни лишь воронки
И на пляжах чернеет мазутная грязь.

Везде железное крошево и руины —
Вот все, что осталось в память о том,
Чье рожденье на шестой день сделало
Ненужным временем то, что было потом.

Ну что ж, этот парень никогда не казался
Творением, которое было бы всех умней:
Ни изящества, ни разуменья в отличие
От рожденных в предшествующие пять дней.

Теперь все вернется в свое натуральное русло —
Его Наглейшество обратилось в бесплотную тень.
Наконец-то выглядит, как ему подобает,
День отдохновения — Седьмой День,

Самый прекрасный, счастливый и беззаботный...
Вот тут-то и грянул выстрел, как гром!
И вся субботняя белиберда пошла прахом,
И вместо Аркадии получился Содом:

Ибо тот, кого они создали, — этот парень
Не сгинул, а возвратился в их дни,
И был еще беспощаднее, чем он им казался,
Еще богоподобнее, чем полагали они.

Бард

Он был слугой — его не замечали,
Он тенью был людских страстей, тревог.
Но в нем, как ветер, пели все печали —
Вздыхали люди: это плачет бог!

А бога славят. И тщеславным стал он,
Стал почитать за песни суший бред,
Рождавшийся в его уме усталом
Среди домашней суеты сует.

Поэзия не шла к нему, хоть плачь,
Теперь он изучал свои невзгоды
И безделушки гладкие строгал.

По городу бродил он, как палач,
Людей встречая, думал: вот уроды!
А если встречный злился, — убегал.

Более любящий

Я знаю: звездам в небесной мгле
Не важно, есть ли я на земле.
Может, и впрямь бесстрастность добрей,
Чем пристрастие людей и зверей.

Представьте, звезды влюбились бы в нас,
А мы бы на них не подняли глаз!
Скажу, никого и ничто не виня:
Пусть больше я люблю, чем меня.

И я, поклонник звезд и планет, —
Хотя до меня им и дела нет, —
Глядя на них сейчас, не скажу:
Без этой звезды я с ума схожу.

Если бы звезды настигла смерть, —
Оглядывая пустынную твердь,
Я бы свыкся с тем, что она нежива,
Хоть на это ушел бы не день и не два.

Культура племени лимбо

По мнению туристов, племя лимбо
На первый взгляд почти на нас похоже,
Жилища их практически опрятны,
Часы идут почти как наши, пища
Почти что аппетитна, но никто
И никогда не видел их детей.

В наречье лимбо, по сравнению с нашим,
Есть больше слов, где тонкие оттенки
Обозначают всякие «чуть-чуть,
Ни то ни се, почти что, что-то вроде,
Чуть больше или меньше, где-то рядом...».
В местоименьях лимбо нет лица.

В легендах лимбо рыцарь и дракон
Грозят друг другу саблей и клыками,
Промахиваясь лишь на волосок,
Смерть с юношей не свидится никак:
Она прошла чуть раньше, он чуть позже,
Кошель волшебный потерял владельца.

«Итак, — читаем мы в конце, — принцесса
И принц почти-что-все-еще женаты...»
Откуда, почему у них такая
Любовь к неточностям? Возможно, каждый
Из лимбо занят самопостижением?
А разве знаешь точно — кто ты есть?

1 сентября 1939 года

Я сижу в ресторанчике
На Пятьдесят Второй
Улице, в тусклом свете
Гибнут надежды умников
Бесчестного десятилетия:
Волны злобы и страха
Плывут над светлой землей,
Над затемненной землей,
Поглощая личные жизни;
Тошнотворным запахом смерти
Оскорблен вечерний покой.

Точный ученый может
Взвесить все наши грехи
От лютеровских времен
До наших времен, когда
Европа сходит с ума;
Наглядно покажет он,
Из какой личинки возник
Неврастеничный кумир;
Мы знаем по школьным азам,
Кому причиняют зло,
Зло причиняет сам.

Уже изгой Фукидид
Знал все наборы слов
О демократии,
И все тиранов пути,
И прочий замшелый вздор,
Рассчитанный на мертвецов.
Он сумел рассказать,
Как знания гонят прочь,
Как входит в привычку боль,
И как смысл теряет закон.
И все предстоит опять!

В этот нейтральный воздух,
Где небоскребы всей
Своей высотой утверждают
Величье Простых Людей,
Радио тщетно вливает
Убогие оправдания.
Но можно ли долго жить
Мечтою о процветании,
Когда в окно сквозь стекло
Смотрит империализм
И международное зло?

Люди за стойкой стремятся
По заведенному жить:
Джаз должен вечно играть,
А лампы вечно светить.
На конференциях тщатся
Обставить мебелью доты,
Придать им сходство с жильем,
Чтобы мы, как бедные дети,
Боящиеся темноты,
Брели в проклятом лесу
И не знали, куда бредем.

Воинственная чепуха
Из уст Высоких Персон
В нашей крови жива,
Как первородный грех.
То, что как-то Нижинский
О Дягилеве сказал,
В общем верно для всех:
Каждое существо
Хочет не всех любить,
Скорее, наоборот, —
Чтобы все любили его.

Владельцы сезонных билетов,
Из консервативного мрака
Пробуждаясь к моральной жизни,
Клянутся себе поутру:
«Я буду верен жене,
И все пойдет по-иному».
Просыпаясь, вступают вояки
В навязанную игру.
Но кто поможет владыкам?
Кто заговорит за негого?
Кто скажет правду глухому?

Мне дарован язык,
Чтобы избавить от пут,
От романтической лжи
Мозг человека в толпе,
От лжи бессильных Властей,
Чьи здания небо скребут.
Нет никаких государств.
В одиночку не уцелеть.
Горе сравняло всех.
Выбор у нас один:
Любить или умереть.

В глупости и в ночи
Погряз беззащитный мир,
Мечутся азбукой Морзе,
Пляшут во тьме лучи —
Вершители и справедливцы
Шлют друг другу послания.
Я, как и все, порождение
Эроса и земли,
В отчаяньи всеотрицания, —
О если бы я сумел
Вспыхнуть огнем утверждения!

Эпитафия тирану

Совершенства он жаждал в конечном счете,
Но были стихи его простоваты.
Он тонко использовал глупость людей,
Все строил на армии и на флоте.
Он ржал — и хихикали депутаты,
Вопил — и смерть косила детей.

Неизвестный гражданин

Этот мраморный монумент
воздвигнут за счет государства
в честь ХС/07/М/378

Бюро статистики подтвердило снова,
Что он не судился, все данные говорят:
В современном смысле старомодного слова
Он праведник, внесший свой скромный вклад
В развитие нашей Великой Страны.
С самой юности до пенсионного года
Он ни разу (исключая годы войны)
Не увольнялся со своего завода.
В Кукиш-Моторс ему всегда были рады:
Не штрейкбрехер, достойные взгляды,
Профсоюзные взносы уплачивал в срок
(Профсоюз положительный), означенный парень,
По мнению Психологов, был популярен
На службе, и выпивка шла ему впрок.
Каждый день он покупал по газете,
Реакция на Рекламу была первый класс,
Застрахованный от всего на свете,
Он в Больнице, однако, был только раз.
Согласно Вестнику высших сфер,
Он был поклонник Системы Рассрочек,
Имел все вещи и, среди прочих,
Радиолу, машину, кондиционер.
По мнению Службы общественных мнений,
Во взглядах его был здравый резон:
Если был мир — за мир был и он,
А война — он шел на войну. Тем не менее
Он выжил, имел пятерых детей,
Наш Демограф писал в одной из статей
О количестве этом как об идеале.
В Школе был смирным, правильно рос.
Был ли счастлив? Свободен? Странный вопрос:
Если б не был, мы бы об этом знали.

Щит Ахилла

*Она глядит, как он ладит щит,
Надеясь узреть на нем виноград,
И паруса на дикой волне,
И беломраморный мирный град,
Но на слепящий глаза металл
Его искусная длань нанесла
Просторы, выжженные дотла,
И небо, серое, как зола...*

Погасшая земля, где ни воды,
Ни трав и ни намека на селенье,
Где не на чем присесть и нет еды,
И все же в этом сонном запустенье
Виднелись люди, смутные, как тени,
Строй из бесчисленных башмаков и глаз
Пустых, пока не прозвучал приказ.

Безликий голос — свыше — утверждал,
Что цель была оправданно-законной,
Он цифры приводил и убеждал,
Жужжа над ухом мухой монотонной, —
Взбивая пыль, колонна за колонной
Пошла вперед, пьянея от тирад,
Оправдывавших путь в кромешный ад.

*Она глядит, как он ладит щит,
Надеясь узреть священный обряд,
Пиршество и приношение жертв,
В виде увитых цветами телят, —
Но на слепящий глаза металл
Длань его не алтарь нанесла:
В отсветах горна видит она
Другие сцены, иные дела...*

Колючей проволокой обнесен
Какой-то плац, где зубоскалят судьи,
Стоит жара, потеет гарнизон,
Встав поудобнее, со всех сторон
На плац досужие глазают люди,
А там у трех столбов стоят, бледны,
Три узника — они обречены.

То, чем разумен мир и чем велик,
В чужих руках отныне находилось,
Не ждало помощи в последний миг
И не надеялось на божью милость,
Но то, с каким усердием глумилась
Толпа над унижением троих, —
Еще до смерти умертвило их.

*Она глядит, как он ладит щит,
Надеясь атлетов узреть на нем,
Гибких плясуний и плясунов,
Кружащих перед священным огнем, —
Но на слепящий глаза металл
Легким мановеньем руки
Он не пляшущих поместил,
А поле, где пляшут лишь сорняки...*

Оборвыш камнем запустил в птенца
И двинул дальше... То, что в мире этом
Насилуют и могут два юнца
Прирезать старца, — не было секретом
Для сорванца, кому грозил кастетом
Мир, где обещанному грош цена
И помощь тем, кто немощен, смешна.

*Тонкогубый умелец Гефест
Вынес из кузни Ахиллов щит.
Фетида, прекраснорудая мать,
Руки к небу воздев, скорбит
Над тем, что оружейник Гефест
Выковал сыну ее для войны:
Многих сразит жестокий Ахилл,
Но дни его уже сочтены.*

На великосветском приеме

Без рифм и ритма болтовня соседей,
Но каждый мнит, что он поэт в беседе.

В любой из тем, хотя и в разной мере,
Как бассо-остинато — недоверье.

Большие люди, взмокнув от снованья,
Дают понять в процессе узнаванья:

«Я вам не книга, чтоб во мне читали.
Я в полном здравии, а вы устали.

Хотите завести со мной беседу?
А вот возьму и тотчас же уеду...»

Мольба, призыв, чтобы тебя признали
И потеснились в этом тесном зале,

Где каждый, словно слон, свое трубя,
Глух, потому что слышит лишь себя.

Визит флота

Мальчишки сходят с кораблей —
Одетый в форму средний класс,
Послушный кроткий строй.
Им комиксы всего милей,
А поиграть в бейсбол хоть час —
Важней, чем сотня Трой.

Им здесь не по себе — не как
В родной Америке, взгляни:
Чужой уклад вокруг,
Любой прохожий им чужак,
И здесь не Потому они,
А просто Если Вдруг.

Все шлюхи встали по местам,
Уже снует вокруг ребят
С наркотиками плут.
Все льнут к общественным скотам,
Но те не курят и не спят,
А беспрерывно пьют.

Вид кораблей ласкает глаз:
Безделье в бухте голубой
Их даже молодит.
Без человека, чей приказ
Навязывает им разбой,
Их человечен вид.

Как будто гений, над листом
Помедлив, выразил в момент
Чреду воздушных дум
В эскизе легком, но при том
Оправдывая каждый цент
Из миллионных сумм!

Чистая поэзия — грязная поэзия

Пой только о любви! А раз поешь,
Не забывай спасительную ложь
И на вопросы о любви в ответ
Не бормочи, как поп, ни да ни нет:
Когда бы Данте был в стихах монах,
Что было б толку в Дантовых стихах?
Будь тонким, занимательным и пряным,
Не верь провинциальным шарлатанам,
Что горлопанят, требуя от книг
Простых сюжетов и идей простых,
Как будто музы склонны к идиотам.
(Хороший лирик — друг плохим остротам.)

Допустим, Беатриче каждый раз
Приходит, опоздав на целый час,
И в ожиданье, сам себя томя,
Ты волен этот час считать двумя.
Но ты пиши: «Я ждал, я тосковал,
И каждый миг без милой представлял —
Так-так, смотри, чтоб не остыла прыть! —
Веками слез, способных затопить
Пещеру, где почил Эндимион».
Поэт нехитрой выдумкой рожден.
Но если от тебя Она уйдет,
В долги загонит или вдруг умрет,
То помни: у людей метафор нет
Для передачи настоящих бед.
Твоя тоска должна ласкать других.
«О сладость слез!» — гласит печальный стих.

Оставим мертвых. Средь живых курьез
Не раз бывал объектом страстных грез.
Любимая годна тебе в мамаше,
Косит глазами и ушами машет,
Вульгарна, неопрятна и груба.
Для нас — случайность, для тебя — судьба.
Так пой о том, как снизошла Она,
В ее ладонях — солнце и луна,
В ее кудрях красуются планеты —
Царица ночи, королева света.
Ее ладью семь лебедей влекли,
Чертили знаки в небе журавли,
И легкие стада морских коньков
За нею шли до самых берегов.
Она пришла благословить плоды,
Дать вечный мир и наградить труды.

А если песнопения прервет
В стране очередной переворот,
И утром, как случается порой,
Поэтов заподозрит Новый Строй,
Превозмоги паническую дрожь —
Стихами шкуру ты себе спасешь.
Везде «она» замени на «он» —
И вот в помпезной оде восхвален
(Твоей подделки цензор не узнал)
Очередной пузатый генерал.
Эпитеты порядка «ангел милый»
Теперь звучат «орел ширококрылый»,
И смещена «владычица щедрот»
«Великим осушителем болот».
И через час ты славен и богат.
Отныне ты — поэт-лауреат,
И ты умрешь в постели мирно, чинно,
А генерала вздернут на осину.
Пусть честный Яго на тебя шипит:
«Лакей, халтурщик, подхалим, наймит», —
Читатели верны своей привычке,
Они возьмут историю в кавычки
И скажут о поэте: «Вот нахал,
Он имени любимой не назвал».

Такой поэт, презревший дарованье,
Есть Бог, забывший о своем призванье.
Он сам себя венчал и развенчал,
Поставив ложь началом всех начал.
В его писаньях правды ни на грош,
В его улыбке сладкой — та же ложь.
И что, как не пристрастье к играм слов,
Заставило его, в конце концов,
Сказать, что правда — таинству под стать
И что о ней прилично умолчать.

*Элегия памяти
Джона Фицджеральда Кеннеди*

Отчего тогда? Отчего там? —
Мы кричим: — Отчего так? —
Небеса молчат.

Чем он был, тем был,
Чем он будет —
Зависит от нас.

От того,
Как мы будем жить,
Помня об этой смерти.

Когда умирает честный,
Что слезы и слава,
Что грусть и гордость?

Об авторах

ОДЕН, УИСТАН ХЬЮ (AUDEN, WYSTAN HUGH), 1907—1973. Родился и жил до 1938 г. в Англии, затем переехал в США, в 1946 г. принял американское гражданство. В последний год своей жизни Оден снова вернулся на родину и поселился в Оксфорде. В 30-е гг. учительствовал, писал сценарии, побывал в Германии, Исландии, Китае. Был близок к левым кругам английской интеллигенции, участвовал в гражданской войне в Испании. В послевоенные годы читал лекции в университетах многих стран Европы. В 1956—1961 гг. — профессор кафедры поэзии в Оксфорде. Первая книга стихов У. Х. Одена вышла в 1930 г., в 1940 г. был опубликован сборник избранных стихотворений, в 1941 г. — «Письмо из Нью-Йорка» (“*New York Letter*”) ^A, затем «До поры до времени» (“*For the Time Being*”, 1944), «Век тревоги» (“*The Age of Anxiety*”, 1947, премия Пулицера), «Щит Ахилла» (“*The Shield of Achilles*”, 1955, Государственная ^B премия). В 60-х гг. вышли сборники «Дань почтения Клио» (“*Homage to Clio*”, 1961), «Рука красильщика» (“*Dyer’s Hand*”, 1963), «По дому» (“*About the House*”, 1967), «Город без стен» (“*City without Walls*”, 1969). Последней книгой стихов было «Послание крестнику» (“*Epistle to Godson*”, 1972).

Содержание

В музее изобразительных искусств. <i>Перевод П. Грушко</i>	103
День отдохновения. <i>Перевод П. Грушко</i>	104
Бард. <i>Перевод П. Грушко</i>	105
Более любящий. <i>Перевод П. Грушко</i>	105
Культура племени лимбо. <i>Перевод П. Грушко</i>	106
1 сентября 1939 года. <i>Перевод А. Сергеева</i>	107
Эпитафия тирану. <i>Перевод П. Грушко</i>	109
Неизвестный гражданин. <i>Перевод П. Грушко</i>	109
Щит Ахилла. <i>Перевод П. Грушко</i>	110
На великосветском приеме. <i>Перевод П. Грушко</i>	112
Визит флота. <i>Перевод П. Грушко</i>	113
Чистая поэзия — грязная поэзия. <i>Перевод А. Сергеева</i>	114
Элегия памяти Джона Фитцджеральда Кеннеди. <i>Перевод А. Сергеева</i>	116

---

^A «Новогоднее послание» (*New Year Letter*) — поэма, опубликованная в сборнике *The Double Man* (1941). В Британии сборник вышел под названием *New Year Letter*. (Здесь и далее прим. автора электронной версии.)

^B National Book Award — Национальная книжная премия.